

Поэт

Поэт прежде всего — рыцарь,
Поет, потому что песнь его — битва,
Прекрасной и нежной справедливости каждой песней он присягает,
Предан он ей до самого гроба.

Поэт прежде всего — самурай,
Поэтому каждая песнь его — харакири,
Подобно семи самураям Акиры,
Подвиг он совершает, защищая невинных, до последней песни.

Поэт прежде всего — индеец,
Полет его песен подобен полету свободолюбивой стрелы,
Зорко он охраняет свои территории
Зорь краснокожих и прерий диких...

Поэт прежде всего — богатырь,
Поит с шелома, кормит с копья свои песни,
В поле он серым волком, сизым орлом под облаком,
Половцам стигнувшим след растекаючись мыслью по древу...

3.05.2011

Под шкурами

О, что за человечество под шкурами живет,
Охает под перьями, хохочет под чешуйками, орет под чешуей,
Какое человечество такое,
Живое человечество другое?

Любое человечество пою,
Слепое под землей, немое, кольцами ревущее,
Сырое, окающее, космосами из себя плюющее,
Ночное, лазающее, ползущее, деревья жрущее...

Святое человечество люблю,
Светы их и мраки,
Раи их и ады,
Рои их богов, что горше Иеговы, пуще Будды, Иисуса слаще.

Куда оно, зачем?
Ку-ку поет, ко-ко, курлы,
Гав-гав, как бы Шаляпин, цвирк-цвирк — Пикассо, их Микеланджело ваяет мяу,
Гамлета играя, весь в музыке из дантовых колец спешит куда-то дождевой червяк...

18.07.2012

У РЕКИ

В сельве Амазонии —
Вселенной на Божьей ладони —
Дедушка в гамаке из листьев, с трубкой в правой руке, а левую под голову подложив,
Девочке восемь лет, стебелек в мочку уха продет,
Мальчику уже семь, губа не болит совсем (ниточку-оберег недавно туда продели),
Малыш поплакал возле дедушкиного гамака и успокоился,
Да и как тут поплачешь — птицы смеются, солнце щекочет,
Дай нам тебя поцеловать! — подшучивают цветы лиан,
Старый шаман, от жизни и смерти пьян, спит в гамаке с трубкой в правой руке,
Стая жар-птиц пролетает мимо, джунгли тут как тут, все сплетни свои плетут,
Одиннадцать тысяч лет крокодил в эту реку продет,
Лыбится крокодил, видать, кого-то опять проглотил,
Деревушка луки у самого края,
Девушка из реки, нагая...
Радуйся, дед, одиннадцать тысяч лет,
Рая и ада, болезней и бед во сне твоём нет...

28.03.2011

ВСЕЗЕМЛЯ

О, эта легкость кита в океане,
Облака лет в пламенеющей бездне,
Очи, горящие очи зебры летящей в саванне,
Ос невесомость тончайшей работы...

Не возлюбить, не обнять, не у сердца взлелеять —
Нет ей конца, тесноте этой, ибо.
Небо и звезды, земля, океаны
Не обратиться — круговерть остановишь ты разве?..

Не укротить, как в гречихе жужжания —
Смертно так, никогда, ни в какую,
Неповторимую, не приручить для любви, бесконечность
Не воскресить, о душе уповая.

Как невозможно, ударившись оземь,
В камень, в траву обратиться, в планету,
Не возлюбив, не пожертвовав ради
Снегом, дождем, золотыми лучами...

17.07.2012

Гляжу я на горы...

Ли Бо

Сделав себя из киновари и тофу,
Здесь и сейчас как в кино пребывая,
Сдерживая смерть удивительным Дао,
Здравствуй, говорят, этим лохматым горам, как ровесникам.

Царствуй! — отвечают гуэлинские горы,
Целуя каждого в лоб,
Волнуя рассветами облака.
Любуя закатами птиц...

29.03.2010

Паломник в Мьянме — стране золотых будд

Где достают из озер ил для грядок, покачивающихся на воде,
Где, стоя, гребут веслом при помощи ноги, а свободной рукой забрасывают сеть,
Где старые монахи пахнут апельсинами, а молодые учат кошек акробатическим прыжкам,
Где еще действует запрет Будды — монахам нельзя прикасаться к деньгам,

Где согласно кодексу Винае — можно иметь только восемь вещей,
Где по всей стране монахи, и стар и млад с миской в руке смиренно принимают подношения —
Путь к нирване лежит через пустошь корней и желаний — так Дхаммапада гласит,
Пусть пустота, покачивающаяся в пустоте, твоим пастбищем будет,

Путы страданий тот избежит, чья неисповедима тропа, как у птиц в небесах...
Очарованный странник,
Очи долу свои опустив,
Очередь свою выжидаю с миской пустой...

19.04.2011

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«АНАФОРА... ЕСТЬ ИДЕЯ»

Он к поэзии был, можно сказать, приговорен с детства: отец Дондок Улзытуев — бурятский классик, стихия национальной словесности обступала его с колыбели, а дальше простирались горизонты поэзии мировой.

Он успел покорить не только бурятского читателя: живой русский язык, необычные метр-ритм-рифма и

«всемирная отзывчивость» его стихов дошли до слуха как соотечественников, так и зарубежных ценителей поэзии.

Он читает стихи так, как будто рокочит разом все стихии, — это нужно услышать хотя бы раз, как горловое пение, и впечатление от этого — не представления даже, но действия, — долго не сотрется из памяти.

Отчетливо и отчаянно заявляет он о себе как о первом теоретике «новой анафоры», с жадностью и радостью открывая для себя разного рода окказиональные анафорические опыты М. Лермонтова, В. Брюсова, Д. Бурлюка, И. Бродского, А. Тарковского и ревностно оценивая работу в том же направлении земляков — Н. Нимбуева и Б. Дугарова.

Однозначно отвергает он традиционные формы поэзии и провозглашает «конец потребительской суете обычной рифмы и метра, конец неразберихе хаоса верлибра и начало нового академического стиха, новой просодии». Анафора для него не стилистическая фигура, даже не просто начальная рифма, освещенная национальной традицией, она вообще не самоцель, но — способ вернуть слову на сегодня утраченный, но издревле присущий ему «исполинский смысл». Анафора для него — идея «бесконечности возможностей человека», преодоления несвободы, «безальтернативности существования».

Охотно отзываются о нем исследователи, критики и коллеги: «Завороженные восточной первозданностью, критики приветствовали в Амарсане... варвара, чей стих, brutальный и свежий, расхристаный и нервный, — своей веселой энергией напоминает...

песню шамана...» — пишет Л. Аннинский, прозорливо отмечая, как из складок «восточного» текста поэта «выглядывает... Запад? Европа? Русь?» пробиваются строчки и интонации Гомера, анонимного автора «Слова...», А. Пушкина, К. Бальмонта, В. Хлебникова, — осуществляется причудливый синтез культурных традиций. «Это очень трудно... писать так, как будто бы именно в эту минуту живешь, в эту секунду живешь», — отмечает мощную витальную энергию стихов Улзытуева главный редактор старейшего бурятского литературно-художественного журнала «Байкал» Б. Аюшеев. «В Вашем слове есть настоящая сила, я бы даже сказала — сила первобытная, хлещущая через край. И Ваши стихи растут прямо из почвы, сохраняя ее соки и аромат», — обращается к коллеге поэт С. Кекова. «Этот Маугли, причудливо сплавивший в своей поэтической манере Хлебникова с Бальмонтом, владеющий словом свежо и чуть неуклюже, мне интересней всех прицивилизованных тарзанов — альфа-самцов современной русской поэзии», — поэмически заявляет Е. Сливкин.

Остается определиться с оценкой озвученных анафор основному нашему судье — читателю журнала «Юность».

Ирина Монисова

Ирина Монисова — литературовед, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.